

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Николай Добронравин

«Глобально лишние»:
негосударственные народы
и сырьевое государство

Препринт М-08/09

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2009

УДК 323
ББК 66.3(0)'7
Д56

Добронравин Н.А.

Д56 «Глобально лишние»: негосударственные народы и сырьевое государство / Николай Добронравин : Препринт М-08/09. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — 35 с. — (Серия препринтов; М-08/09; Центр исследований модернизации).

В работе рассматриваются проблемы негосударственных народов, известных в мире под названием «коренных», «аборигенных этносов» и т. п., в контексте модернизации. Автор полагает, что процессы встраивания таких народов в современность протекали в целом однотипно. Чем дальше продвинулась конкретная страна по пути модернизации, тем меньше было шансов выжить у покоренных ею этносов, ранее не имевших собственной государственности. Особое внимание в работе уделено трансформации негосударственных народов в т. н. титульные или государствообразующие. На примере сомалийцев Сомали и тсвана Ботсваны рассматриваются варианты разнонаправленного развития и возможные причины демодернизации. Автор предлагает прогноз развития (сохранения, утраты) «титульного» статуса коренных малочисленных народов России. Тенденция к деавтономизации, противоречащая общемировому повышению статуса негосударственных народов, объясняется спецификой России как сырьевого государства.

Информация об авторе: Николай Александрович Добронравин — д. филол. н., профессор кафедры мировой политики Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник Центра исследований модернизации ЕУСПб, африканист (sokoto95@yandex.ru).

К концу XX века во многих странах мира на национальном уровне, а также и в глобальном масштабе сложился и получил юридическое оформление особый тип этнических общностей. В национальном и международном праве этот тип этносов не получил единообразного наименования. Десятки, а иногда и сотни (как, например, в Индии и Канаде) народов перечисляются в правовых актах и политических декларациях под разными названиями как «аборигены», «коренные народы», «первые нации» (First Nations), «списочные племена» (scheduled tribes) и т. д. Различны и устоявшиеся, не всегда политкорректные, экзонимы (имена, которые дали этим этносам их соседи и другие народы) — «индейцы», «адиваси», «иногородцы», «дикари» или «туземцы».

В последние десятилетия международные межправительственные организации и НПО не раз пытались найти приемлемое и в то же время «научное» общее название для всех этих этносов: например, «аборигенные этносы» или «народы, ведущие племенной (tribal) образ жизни».¹ Одним из первых примеров таких изысканий была рекомендация № 104 Международной организации труда о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной или полуплеменной образ жизни (1957).

Традиционные названия не всегда приемлемы по политическим причинам, даже если они имеют длительную традицию использования в данном регионе или стране. Кроме того, такие названия невозможно использовать для обобщения. Исключения встречаются, но выглядят весьма курьезно (например, на одной из встреч бразильских аборигенов похожие по исторической судьбе народы России были названы «индейцами»). С таким же

¹ Перевод на русский язык понятия *tribal* словом «племенной» кажется автору неудачным (ср. «племенной скот»), но он довольно часто встречается в современной научной литературе.

успехом на встрече в Индии индейцев США можно было бы назвать «американскими списочными племенами».

Недостаточно отражают суть проблемы и более общие названия этого типа этнических общностей. В частности, как, например, определить, кто может быть назван аборигенами, или коренным народом? В Америке, Австралии и Океании граница между иммигрантами и аборигенным (коренным) населением относительно устойчива, хотя и в этих странах спорные случаи не сводятся к частным примерам потомства от межэтнических браков. Например, черные карибы (гарифуна) Центральной Америки, сформировавшиеся как особый этнос в результате союза вывезенных в Новый Свет африканцев с индейскими женщинами и сохранившие «материнский» язык, — аборигены они или иммигранты? Почему кабокло, жителей внутренних районов Бразилии с несомненной «индейской кровью» и традициями, не принято рассматривать как аборигенов? Потому, что они в XVIII веке перешли с индейского языка тупи на португальский, или потому, что у них были европейские предки? Такие предки были и у большинства парагвайцев, говорящих на языке гуарани, однако их, в отличие от бразильцев-кабокло, обычно относят к коренному населению Южной Америки.

Еще сложнее определить, кто является аборигеном в странах Старого Света. Если речь идет о бывших колониях, коренными оказываются народы, которых на данной территории обнаружили европейские колонизаторы. В странах, которые не были владениями европейских держав, и в Европе такой подход неприменим: аборигены — это потомки первопоселенцев или наиболее древнего из ныне живущих народов. Однако и в том и в другом случае не все «вновь открытые» или «древние» народы рассматриваются как коренные в современном политическом дискурсе.²

Например, среди коренных народов мира обычно не упоминаются китайцы, корейцы, ирландцы, финны или эстонцы, хотя у этих этносов, бесспорно, есть «историческая родина», где их никак нельзя отнести к недавним иммигрантам. Более того, некоторые из этих народов долгое время сохраняли черты, характерные для «туземцев» Африки и Нового Света, отсюда, к примеру, «невозможность внушить ирландскому крестьянину понятие о современной буржуазной собственности»³ в конце XIX века. Статус коренного народа, по-видимому, можно утратить, и не покидая родины (хотя

² О терминологической проблеме «коренных» и «некоренных» народов Старого Света см., например: *Бурькин А.А.* Международное право, западная этнология и российская реальность. URL: <http://www.zaimka.ru/science/zip/burykin11.zip> (дата обращения: 18.07.2009).

³ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1973. С. 148–149.

это противоречит смыслу названия). Например, как полагает Г. Альфредсон, «гренландские инуиты пользуются правами коренных народов до тех пор, пока они предпочитают входить в состав Дании и не существовать как независимое государство или как заморская колония».⁴ Не исключено, что через несколько лет истинность этого утверждения можно будет проверить на практике, учитывая продолжающийся процесс суверенизации Гренландии.

Малоубедительны и ссылки на традиционный образ жизни «списочных» народов. Если «традиционный» понимается как антитеза по отношению к современному глобализированному (по сути дела, городскому) образу жизни, то нельзя не вспомнить, что такой образ жизни ведет большая часть негородского населения, да и многие горожане в странах мирового Юга. Напротив, образованные представители «аборигенных» народов нередко (и это подтверждается статистическими данными) предпочитают жить в современном городе. «Коренная» интеллигенция сегодня успешно защищает интересы своих сородичей (и свои собственные), работая в европейских и североамериканских университетах, и в этом нет ничего удивительного.

Еще менее удачно упоминание во многих документах «племенного» образа жизни. Многие бесспорно коренные народы в исторически известном прошлом не знали деления на племена. Напротив, принадлежность к тому или иному племени хорошо известна и играет важную роль у пуштунов, казахов, монголов и других народов, которые обычно не включаются в списки аборигенных этносов. Иногда под общим названием сосуществуют и племена, и население, не ведущее «племенной» образ жизни и не имеющее или утратившее представление о своем племени.

Таким образом, все перечисленные выше названия либо оказываются слишком узкими, либо не позволяют понять, почему несколько сот или даже тысяч народов мира необходимо отличать от других этнических общностей.

И все же эти народы действительно «не такие, как все». К XX веку они оказались изгоями, причем не теми изгоями, которые могли выступать в роли пионеров модернизации,⁵ а буквально лишними, обременительными для господствующих народов и государств, заживо погребенными или заранее обреченными на смерть.

Если обратиться к художественной литературе, то яркое описание такого народа можно найти, например, в «Борьбе за огонь» Жозефа Рони-старшего.

⁴ Альфредсон Г. Права меньшинств: равенство и недискриминация // Ленинградская конференция по правам меньшинств (2–4 июня 1991 года, Ленинград). Доклады и сообщения (русские тексты). Л., 1991. С. 25.

⁵ См., например: Травин Д.Я., Маргания О.Л. Европейская модернизация. М.; СПб., 2004. Кн. 1. С. 73–76.

Предки ва научились обгачивать камни и обжигать дерево раньше других людей. В течение тысячелетий племя ва занимало обширные равнины и леса. Тогда они были сильнейшими из племен. Их оружие наносило глубокие раны, они были сильны, их мускулы крепки и неутомимы. Они говорили на более совершенном языке, чем остальные племена, подобные им. Их поколения быстро размножались. Так было много тысячелетий тому назад. Но потом рост племени прекратился. Они не знали причин своего упадка.

Их тела стали более хилыми, движения медлительными, их язык перестал обогащаться, а затем и совсем обеднел; их хитрости стали более грубыми, менее изобретательными. Они хуже владели оружием, теперь менее совершенным. Но наиболее верным признаком их упадка было непрекращающееся ослабление их мысли и движений. Ва быстро уставали; ели мало, спали много, случалось, что зимой они погружались в спячку, как медведи.

Из поколения в поколение уменьшалась их способность размножаться. Женщины с трудом производили на свет одного ребенка или двух, выращивать их было очень трудно. Большая же часть женщин оставалась бесплодными. Тем не менее женщины обнаруживали большую жизнеспособность, чем мужчины, большую выносливость, мускулы их были крепче. Женщины охотились, ловили рыбу, точили оружие, сражались за семью и племя наравне с мужчинами.

<...> Ва бродили по земле как бы во сне, с остатком былых знаний. Они сохранили кое-какие орудия, более сложные, чем те, которыми пользовались их противники, да несколько навыков, свидетельствовавших о былом расцвете их ума. <...> Чувствуя себя слабыми, медлительными, менее подвижными, чем противники, они предпочитали избегать борьбы; но зато в искусстве скрываться они достигли высокого совершенства.

<...> Только в одном случае эти пугливые и вялые существа становились дерзкими и отважными: они рисковали всем, когда нужно было выручать соплеменника, которому грозила опасность. Некогда это чувство кровной связи делало племя ва непобедимыми.⁶

Можно вспомнить и еще один пример из более поздней художественной литературы, по сути довольно точно отражающий «цивилизованный» подход к обреченным народам. «Улитка на склоне» братьев Стругацких — хорошее пособие по проблемам «окультуривания дикости» и неэффективной межкультурной коммуникации.

Они даже не ленивы... Однако они не выносят систематической работы. Как вы, например, объясните ту необыкновенную легкость, с которой они покидают обжитые места? <...>

⁶ Рони-старший Ж. Борьба за огонь. Глава V. Вымирающее племя. URL: <http://www.100bestbooks.info/txt/?act=84&page=35> (дата обращения: 12.07.2009).

Стоит нашим отрядам появиться вблизи от деревни, как они бросают дома, все имущество и уходят. Создается впечатление, что они в нас совершенно не заинтересованы. Им ничего от нас не нужно. Как вы полагаете, это так и есть? <...>

«Мы никак не можем найти, — сказала Беатриса, — чем их заинтересовать, увлечь. Мы строили им удобные сухие жилища на сваях. Они забивают их торфом и заселяют какими-то насекомыми. Мы пытались предложить им вкусную пищу вместо той кислой мерзости, которую они поедают. Бесполезно. Мы пытались одеть их по-человечески. Один умер, двое заболели. Но мы продолжаем свои опыты. Вчера мы разбросали по лесу грузовик зеркал и позолоченных пуговиц... Кино им не интересно, музыка тоже. Бесмертные творения вызывают у них что-то вроде хихиканья... Нет, начинать нужно с детей. Я, например, предлагаю отлавливать их детей и организовывать специальные школы. К сожалению, это сопряжено с техническими трудностями, человеческими руками их не возьмешь, здесь понадобятся специальные машины...»

Здесь можно отметить лишь смягчение подхода по сравнению с реальными методами воздействия на «дикарей». Освоение колоний прогрессивные британцы и немцы вели настолько решительно, что это породило ошибочные представления в менее продвинутых странах. В 1884 году португальский генерал-губернатор Анголы Ж.-Ф. Феррейра ду Амарал писал министру заморских территорий: «Желая следовать политике ассимиляции, а не уничтожения языческих рас, как то делают нордические народы, необходимо научиться сосуществовать с языческими обычаями туземцев, постепенно их исправляя, — только это может быть единственно правильной доктриной колонизации».⁷

В действительности «нордические народы» и их империи не ставили целью полное уничтожение язычников. Однако «отсталому» португальскому чиновнику, знакомому с судьбой аборигенов Южной Африки, Австралии и Северной Америки, вполне могло показаться, что именно этот план последовательно претворялся в жизнь в США, британских и германских владениях.

Кошки-мышки: модернизирующиеся империи и негосударственные народы

В реальном мире той эпохи, которую В.И. Ленин именовал «высшей стадией капитализма», «лишние» народы мешали европейцам осваивать ко-

⁷ История Африки в документах. Т. 1. М., 2007. С. 322.

лонизируемые территории наравне с враждебной природой. В качестве теоретического обоснования обреченности этих рас и племен, вплоть до второй половины XX века широко использовалось учение Чарльза Дарвина о борьбе за существование.⁸

Вот лишь несколько примеров социал-дарвинистского по своей сути подхода, основанного на непосредственном наблюдении за жизнью «первобытных народов».

В.В. Радлов о черневых татарах (тубаларах) Алтая (1893):

...требовать у правительства создания условий для того, чтобы местные жители учились у русского населения, ибо бедный дикарь мечтает вступить на путь прогресса, — не более чем смехотворная филантропия. Разумеется, правительство обязано защищать угнетаемых. Но защита эта никак не может изменить условий. Туземец погибает, так как он не в состоянии выдержать борьбу за существование. А тот, кто придет ему на смену, сможет, к счастью, умножить богатство этой земли; и место разрозненного, уменьшающегося, непроизводительного татарского населения займет плотное и более экспансивное русское население, стремящееся к прогрессу и лучшему будущему.⁹

Академик Радлов пришел к столь печальному выводу на основе наблюдений над местной экономикой («леность» и бедность туземцев на фоне богатства русских крестьян и купцов), отвергая жалобы аборигенов на природные условия.

Причина их бедности не чернь,¹⁰ конечно, а их собственная пассивность, а также обман и эксплуатация их русским населением, находящимся на более высоком культурном уровне. Спасаясь от этой «культуры», они уходят все дальше в неприютные лесистые горы и постепенно вырождаются, так как не борются за существование, а безвольно предаются гибели.¹¹

У. Чеслинг об австралийских аборигенах (1956):

Исчезновение аборигенов не сможет быть объяснено только истреблением их белыми поселенцами и вымиранием от завезенных в Австралию

⁸ Обзор европейских представлений о «лишних» народах и их неизбежной гибели в процессе колонизации см., например: *Линдквист С. Уничтожьте всех дикарей. М., 2007.*

⁹ *Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989. С. 219.*

¹⁰ *Чернь, или черневая тайга* — густые темнохвойные (с примесью осины) леса Сибири.

¹¹ *Радлов В.В. Указ. соч. С. 216.*

болезней — они вымирали всюду, где вступали в контакт с людьми цивилизованного мира. Слухи о том, что у аборигенов распространен примитивный способ прекращения беременности, наводят на мысль о самоистреблении расы и заставляет все чаще ставить вопрос: “Почему они не хотят размножаться?”, “Почему теряют волю к жизни?”. Перед нами трагедия целой расы: вымирание народа, перекочевавшего из одного полушария в другое задолго до появления пирамид, гибель древнейшей общественной организации, исчезновение расы, более древней, чем все остальные, но стоящей на такой ступени развития, что она могла дать начало любой из них.

Но пока еще не все аборигены вымерли.¹²

Миссионер Чеслинг жил среди «бродячих» аборигенов в 1930-х годах, пытаясь христианизировать их и приобщить к современной цивилизации. Миссия стремилась обучить туземцев земледелию и скотоводству и умиротворить воинственных «охотников каменного века».

А. Смит о бразильских индейцах (1971):

Попытка сохранить в XX веке неприкосновенной первобытную культуру не была прогрессивной. Было ошибочным не давать вступать индейцам в контакты с миром, в котором они живут. И какой бы из этих курсов ни был принят, практически невозможно проследить за тем, чтобы к ним относились справедливо. Видимо, для индейца, пока он оставался индейцем, положение было почти безнадежным, и чем скорее он станет бразильцем — любым способом, — тем лучше это будет для него и для его племени.¹³

А. Смит участвовал в английской экспедиции в Мату-Гросу в 1960-х годах, через 20 лет после окончательного «умиротворения» местных индейцев, долгое время упорно сопротивлявшихся проникновению «белых» бразильцев. Он писал:

Индейцев притесняли снова и снова, пока они неожиданно не пали духом в своей твердыне Мату-Гросу. Историки не могут зафиксировать никакого решительного сражения... Со всем было покончено без шума. Внезапно жизнь стала бесцельной, и мощные племена шаванте превратились в кучку бессильных неудачников шаванте, подобно жалким остаткам какой-нибудь разгромленной армии.¹⁴

¹² Чеслинг У. Среди кочевников Северной Австралии. М., 1961. С. 13–14.

¹³ Смит А. Две горсти песка; Мату-Гросу. М., 2002. С. 470–471.

¹⁴ Там же. С. 266.

Все народы, о которых идет речь в данной работе, были не просто «туземцами», или аборигенами, они были «лишними туземцами», «ошибкой природы», неудобством (здесь очень подходит по смыслу английское слово nuisance) на пути прогресса. Следует заметить, что у «туземцев» иногда оставался шанс присоединиться к прогрессу и некоторые народы успешно этим шансом воспользовались. Остальных же истребили (как тасманийцев и огнеземельцев) или, в лучшем случае, заставили уйти с дороги цивилизации в тогда еще бесполезные леса, горы и пустыни.

Помимо ненужности, как бы оскорбительно сегодня это ни звучало, у рассматриваемого типа этносов было еще три основных признака, отличавших их от более удачливых народов, которые хорошо известны этнографам и социологам.

Прежде всего, «лишние» не вписывались в европейские представления о «нормальной» экономике. Традиционный образ жизни обреченных народов был, как правило, связан с экономикой присваивающего типа. Земледелие, если оно вообще было им известно, обычно носило вспомогательный характер, за исключением некоторых индейских народов Центральной и Южной Америки. Европейская цивилизация, аграрная и преимущественно земледельческая, сталкиваясь с изгоями, превращала их в «нормальных» крестьян, но это удавалось не всегда — часто предпочтительнее была полная «зачистка» территории.

Впрочем, здесь можно заметить определенную тенденцию. В относительно отсталой (по сравнению с Англией и Голландией) Испанской Америке аборигены, которых не истребили после завоевания, превратились в зависимых земледельцев. Чем более аграрными были народы, столкнувшиеся с испанцами, тем скорее они подчинялись государственной машине. Те группы индейцев, у которых земледелие не доминировало в сравнении с другими видами хозяйственной деятельности (собирательство, охота, рыболовство) или не существовало вовсе, обычно деградировали и погибали, либо «просачивались» сквозь административное «сито», уходя на новые земли.

Похожая участь ожидала и покоренных «инородцев» на востоке России. Как заметил Борис Кагарлицкий, процесс завоевания Сибири внешне напоминал англосаксонскую колонизацию Северной Америки, но имел иные последствия; «в исторической перспективе русская экономика оказывается ближе к латиноамериканской, нежели североамериканской».¹⁵ Сам русский народ в ходе такой «самоколонизации» страны оказывался одновременно и имперским, и «порабощенным, в сущности колониальным».¹⁶ Впрочем, в этом от-

¹⁵ Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009. С. 225.

¹⁶ Там же. С. 221.

ношении Российская империя немногим отличалась от Бразильской империи XIX века. У российских «инородцев» и бразильских индейцев теоретически было больше шансов выжить, чем у «лишних» аборигенов в США.

Исключений, когда аборигены оставались на своей земле и долгое время успешно отражали нападения пришельцев, известно очень немного (мапуче на территории современных Чили и Аргентины, чукчи на северо-востоке Азии).

Еще один признак глобальных изгоев – их слабость по сравнению с пришельцами или более удачливыми соседями. Возможно, этот признак можно было бы поставить и на первое место. Болезни уничтожили не меньше туземцев, чем оружие завоевателей. При первом контакте «лишние» народы, судя по рассказам европейских первооткрывателей, часто не производили впечатления обреченных. Однако болезни, занесенные пришельцами, буквально косили аборигенов. Биологическое оружие, использовавшееся сначала неосознанно, а в XIX веке уже вполне осмысленно, включало оспу, корь и другие болезни, привычные для европейцев.

Здесь нельзя не вспомнить, что народы Америки «поделились» со Старым Светом табаком и, по-видимому, сифилисом. Однако табакокурение, при всех его последствиях, не привело к гибели целых народов Европы и Азии. Сифилис был опаснее, но и он поразил прежде всего этнических и социальных изгоев, например сибирских «инородцев». К биологическому оружию можно отнести и спиртные напитки, которые часто использовались при обмене на сырье, представлявшее интерес для пришельцев. Когда менять было нечего, туземцы продолжали пить, приближаясь к самоистреблению. Теперь европейцы отмечали робость «дикарей», их подверженность нервным заболеваниям, а также склонность к самоубийству.

Помимо «неправильной» экономики и «пробитой» биологической защиты, все «лишние» народы были негосударственными, и это, вероятно, было их главным несчастьем. Безусловно, можно найти достаточно свидетельств в пользу того, что и у некоторых «ненужных» этносов существовала политическая организация на уровне раннего государства или вождества. Однако все, что было создано до контакта с победителями, было раздавлено или изменилось до неузнаваемости в процессе колонизации. Сохранились лишь некоторые имена («традиционные титулы»), которые наполнялись новым содержанием, часто в зависимости от желания конкретного администратора.

Все перечисленные выше признаки не являются неизменными. Экономика, как уже говорилось, в принципе может трансформироваться. Иммунитет к болезням может вырабатываться (у выживших после первого удара). Наконец, отсутствие государственности, самый устойчивый признак «лишних», также преодолимо, хотя и с наибольшими рисками и потерями.

Аборигены, колониальные чиновники и коммунисты-государственники

Колониальные чиновники, представлявшие метрополии в общении с «дикими племенами», нуждались в опоре. Если туземцев было слишком много, а природные условия казались или действительно были неподходящими для расселения европейцев, требовалось не только завоевать, но и «приручить» покоренные общества, «состыковать» их с административной машиной метрополии. На практике все выглядело проще: «дикари» были обязаны платить налоги, выполнять работы, необходимые для нормального существования данной колонии (разумеется, с точки зрения европейских чиновников и министерств метрополии), а также уважать частную собственность и жить в мире с пришельцами и между собой, т. е. не воровать и не воевать. Право на насилие отныне принадлежало только белым и тем туземцам, кому это право было делегировано белыми.

При всей внешней простоте задач осуществить их было трудно, а иногда и почти невозможно. Платить налоги, как законопослушный европеец, многие «дикари» не могли, и не только потому, что не хотели или не были знакомы с разного рода данью до колонизации. Сама идея регулярного налогообложения в денежной форме с письменным подтверждением уплаты налога для многих народов была, безусловно, революционной. Как собирать налоги, если покоренный народ не имеет представления ни о деньгах, ни о письменности, ни о собственности на землю? Туземцы не умели (или не хотели) считать, строили круглые в плане хижины, решительно не понимали идеи прямого угла («они не могут строить прямоугольных зданий»),¹⁷ не желали отказываться от охоты за головами или другими частями тела (например, за т. н. человеческими хвостами у сомалийцев и других народов Северо-Восточной Африки), необходимыми, согласно местной традиции, для превращения мальчика в мужчину, и т. п.

Как научный ответ на возникшие проблемы, в Европе и Северной Америке расцвела социальная антропология. В реальной жизни колониальный администратор мог и не читать труды этнографов, но налоги собирать он был обязан. Если туземец не мог заплатить деньгами, следовало отработать долг в натуральной форме, например на строительстве дорог, на плантации или на шахте.

Похожие задачи приходилось решать и миссионерам. Например, в Северной Австралии миссия, которой руководил У. Чеслинг, стремилась при-

¹⁷ *Ливингстон Д.* Путешествия по Южной Африке с 1840 по 1856 гг. М., 1947. С. 29; Д. Ливингстон жил среди южноафриканских тсвана, о которых речь пойдет ниже, в разделе «Почему Сомали не Ботсвана?».

общить «бродячих» аборигенов к земледелию и скотоводству и убедить их отказаться от войн, несмотря на возникавшие проблемы в межкультурной коммуникации:

Аборигены не могли понять, зачем закапывать хорошие клубни сладкого картофеля, если их можно съесть. Им в голову не приходила мысль о связи между посадкой и будущим урожаем... им, усматривающим в каждом животном повод для пиршества, казалось крайне тягостным ежедневно ухаживать за скотом. Пасти стадо, охраняя его от динго, — непривычное дело для охотников каменного века.¹⁸

Ливингстон начал внедрять у южноафриканских тсвана представление о земельной собственности, купив участок земли, «хотя совершать покупку в стране, где сама мысль о покупке вообще являлась новостью, едва ли было необходимо. Полагалось просто, чтобы мы попросили себе подходящее место и заняли его, как это делает всякий, принадлежащий к их племени».¹⁹

В процессе форсированной и часто насильственной модернизации покоренные народы поневоле совершили прыжок «в светлое настоящее». Тот, кто не мог «прыгнуть», был обречен на вымирание.

Одним из компонентов «скачка к прогрессу» стало огосударствление выживших народов. Колониальные чиновники на местах при всем желании не могли применить на практике результаты этнографических исследований, показывавших, что у «дикарей» существовали весьма сложные социальные системы, сильно отличавшиеся от известных в Европе к концу XIX века. Министерства по делам колоний также не могли считаться с тем, что «дикари» не понимают самой идеи государства. В качестве уступки местным условиям утверждалось, что аборигены застряли в европейском средневековье. Наконец, если ничего похожего на феодалов у покоренного народа найти не удавалось, искали или создавали начальника (вождя, старосту) хотя бы на уровне деревни или кочевого сообщества. Страсть к насаждению единоначалия у «дикарей», возможно, частично объяснялась и тем, что среди колониальных администраторов преобладали военные.

Чиновники и миссионеры фактически конструировали этносы, приписывая им определенную территорию с четко очерченными границами и особый язык, явно по аналогии с европейскими нациями. Ограничивалась свобода перемещения административно признанных «колониальных племен», туземцам выдавались удостоверения личности, в которых фиксировалась принадлежность к таким этносам.

¹⁸ Чеслинг У. Указ. соч. С. 30–31.

¹⁹ Ливингстон Д. Указ. соч. С. 22.

Экономические задачи диктовали необходимость перемещения рабочей силы в колониях. В городах, на плантациях и рудниках вновь прибывшие еще сильнее осознавали принадлежность к своему «племени». Этому способствовала и деятельность колониальной администрации: например, на шахтах в Южной Африке раздельно селили в общежитиях представителей разных «племен».

В конечном счете восприятие навязанного взгляда на этничность привело к современным формам «этнизации», когда индивид уже не может одновременно принадлежать к разным этническим общностям. Многие современные народы бывших колоний представляют собой «колониальные племена», т. е. фактически продукт «национально-административного строительства». Формирование этих народов напрямую связано с колониальной и постколониальной модернизацией.

Как заметил известный американский антрополог Игорь Копытов (Igor Kopytoff), «модернизация часто сочетается с политической независимостью, усиливающейся борьбой за ресурсы государства, большим влиянием западных идей и усиливающимся акцентированием этнического представительства. Результатом является возникновение целостных этносов в полном (западном) смысле этого слова».²⁰ Пребывание под властью государства, нацеленного преимущественно на хищническую эксплуатацию ресурсов, способствовало усилению экономической роли этничности.

Аналогичные процессы происходили в XX веке и в тех странах, которые попытались изолироваться от остального мира. В СССР и Китае государству также пришлось иметь дело с «первобытными народами». Советские и китайские коммунисты оказались такими же государственниками и культуртрегерами, как и европейские колониальные чиновники. Так называемое национально-государственное строительство включало обязательное и предельно жесткое конструирование этносов. В Китае в итоге были официально признаны 55 национальных меньшинств. Меньшинства группировали на научной основе (прежде всего, по языковому родству), объединяя их в этносы с фиксированным членством.

Например, куцуну в провинции Юньнань общались с внешним миром только посредством «молчаливой торговли» вплоть до 1950-х годов. Народная власть стремилась «мобилизовывать их на оседлый образ жизни. Однако куцуну, едва завидя незнакомых людей, обычно убегали, и найти их было нелегко... куцуну поначалу не могли привыкнуть к оседлой жизни, кое-кто возвращался в джунгли. После нескольких таких рецидивов в

²⁰ Копытов И.Г. Процесс этногенеза в Юго-Западном Конго-Заире: возникновение этноса суку // *Ethnologica Africana*. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге. М., 2002. С. 249.

60-х годах более 2100 куцунов полностью вышли из джунглей и стали жить оседло.

Одновременно с этим все время проводилась работа по национальной идентификации куцунов». ²¹ В 1980-х годах было наконец установлено родство куцунов и официально признанного нацменьшинства лаху.

По китайскому законодательству, «национальная принадлежность гражданина Китая определяется национальностью его отца или матери... Для лиц, чья национальная принадлежность уже определена как относящаяся к нацменьшинству, произвольное изменение национальной принадлежности запрещено». ²²

В Советском Союзе количество «административных этносов» было более неустойчивым, чем в КНР, но в целом наблюдалась сходная тенденция к составлению «окончательного» списка народов. К концу советской эпохи в перечне «малых народов Севера», или «народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока», числилось 26 этносов. В паспортах и других документах требовалось указывать национальность (по национальности одного из родителей, т. е. выбор был ограничен 1–2 вариантами).

«Первобытным народам» России был навязан сверху т. н. скачок в социализм. Собственного побуждения к такому скачку у этих народов, вероятно, не было, о чем свидетельствуют мемуары советских активистов. Парадоксальным образом, говоря о построении бесклассового общества, коммунисты пытались обнаружить у туземцев классовую борьбу и конструировали эксплуататоров в лице «шаманов и кулаков».

Если в Российской империи туземные жители окраин и «медвежьих уголков» мало сталкивались с властью и часто имели о ней самое смутное представление, то в советский период государство само пришло к аборигенам. ²³ Были образованы новые административные единицы (национальные сельсоветы, районы и округа, автономные области и республики). Формально власть в них принадлежала коренному населению, хотя фактически управление осуществлялось из центра (в этом плане система напоминала косвенное управление в британских колониях по форме и французское прямое управление по своему содержанию). Культурная революция приве-

²¹ Ван Цань. Национальности Китая. Пекин, 2004. С. 52.

²² Там же. С. 10–11.

²³ Научная (особенно этнографическая и лингвистическая) литература и публицистика, посвященная советскому и постсоветскому развитию народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, обширна; см., например: Вахтин Н.Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1993. *Его же*: Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб., 2001; Бурькин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). СПб., 2004.

ла к образованию значительного слоя людей, получивших среднее, а затем и высшее образование в городе. Была создана система школ-интернатов, фактически оторвавшая детей аборигенов от традиционного образа жизни. Бывших «бродячих инородцев» и кочевников переводили на оседлость даже там, где совершенно не прослеживалось экономической необходимости в таких мерах. Очевидно, действовала другая, административная логика, восходящая к еще досоветским представлениям о нежелательных «беспаспортных бродягах».

В итоге «прыжок в социализм» из первобытного общества и т. н. кочевого феодализма принес с собой не только спорные административные нововведения и бесспорные блага цивилизации, но также льготы и привилегии для малочисленных и титульных народов. Формально защищенные этносы в действительности не были защищены от произвола чиновников и хозяйственных руководителей. Взамен купцов, спаивавших «инородцев», появились государственные и кооперативные магазины, выполнявшие план за счет продажи спиртных напитков. В 1959 году этнограф Г.М. Василевич, работавшая среди эвенков Иркутской области, писала: «Вино и одеколон не только разрушают здоровье эвенков, но незаметно разрушают хозяйство артелей и мешают строительству коммунизма, что характерно не только для Катангского района, но и для других северных районов Сибири».²⁴

Давление извне становилось особенно очевидным в тех районах, где началась добыча полезных ископаемых. Грандиозные планы освоения природных ресурсов севера и востока РСФСР включали переустройство окружающей среды в том направлении, которое считалось желательным для государственного и партийного аппарата. Об опасности такого переустройства для народов, которые были прописаны (и в переносном, и в прямом смысле) на осваиваемых территориях, в постановлениях ЦК КПСС и Совета министров СССР не говорилось ничего.

Еще меньше заботились об аборигенах хозяйственники на местах. Перед концом советской эпохи много писали и говорили о варварском отношении к природе, о хищнически уничтожаемых природных ресурсах. По выражению А.В. Тишкова, «экоцид сопровождался элементами этноцида».²⁵ На самом деле, хищничество тогда еще не приняло масштабов, характерных для постсоветского периода.

²⁴ *Василевич Г.М.* Докладная записка // Этнология общества. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006. С. 339.

²⁵ *Тишков А.В.* Союз до и после пяти лет перестройки // Национальные процессы в СССР. М., 1991. С. 67.

В новых отраслях экономики абсолютно преобладали приезжие. Среди них встречались «идейные» коммунисты и комсомольцы, но доминировал сугубо экономический интерес. Законодательство, защищавшее права местного населения, мало принималось во внимание, как, впрочем, и любые законы и инструкции, если они мешали выполнить и перевыполнить спущенный сверху план, а значит, вовремя отчитаться и прилично заработать.

К концу советской эпохи автономные (до 1977 года — национальные) округа фактически превратились в особые административные единицы, в которых вся работа государственного и партийного аппарата была направлена на добычу сырья и его вывоз в другие районы страны и за рубеж. Аборигены быстрыми темпами лишались своих угодий, привычных занятий и деградировали везде, где они попадали в зону промышленного освоения территорий. Контакты с приезжими русскими, украинцами, молдаванами и другими народами на задворках великих строек вызвали новый всплеск алкоголизма.

Больше повезло титульным народам автономных и новых (образованных уже после создания СССР) союзных республик, совершившим, согласно официальной версии отечественной истории, переход от феодализма к социализму, минуя капитализм. За советский период эти народы обрели, если использовать выражение И. Копытова, «полную (западную) этничность», резко повысив социальный статус. Такие перемены с трудом воспринимались русскими, как тогда полагали вожди большевиков, из-за великорусского шовинизма. К 1960-м годам титульные народы повсеместно овладели государственным аппаратом. Для нетитульных народов такая смена власти была болезненной, особенно для русских, привыкших свысока смотреть на «нацменов».

Со своей стороны рост административного и экономического благополучия местных элит был связан не с чувством благодарности, на которую явно рассчитывали русские («мы столько для них сделали, лечили, учили» и т. п.), а с культивированием этнической мифологии, по сути дела, с таким же неотрибализмом, как и в странах Африки. В историческом прошлом теперь четко разграничивали позитив (свидетельства древнего величия и самостоятельного государственного существования) и негатив (тяжелые последствия деятельности российских колонизаторов и советской власти, т. е. тех же русских в новом обличье).

Для описания темной стороны истории фактов хватало. С приходом русских действительно был нарушен привычный образ жизни. Покоренные народы лишились права на войну: например, российские власти не позволяли туркменам совершать традиционные набеги на земледельцев Персии. Земли, пригодные для аграрной колонизации, передавались крестьянам без учета мнения башкир, казахов и прочих «степных инородцев». Добыча по-

лезных ископаемых, строительство городов и железных дорог тоже велись таким образом, как будто на осваиваемых территориях никто не жил до российского завоевания.

В советский период, несмотря на декларации о «коренизации», традиционный образ жизни пострадал еще больше. Например, киргизы (кыргызы), многие из которых бежали в Китай после восстания 1916 года, вернулись и обрели собственную административную единицу и статус титульного народа «с правом на самоопределение вплоть до отделения». Однако за новый статус и права они, как и другие «националы», дорого заплатили. В 1930-е годы первое поколение советской национальной элиты было репрессировано, весь народ пережил коллективизацию и страдал от голода.

Освоение важнейших природных ресурсов, строительство трубопроводов и горно-обогачительных комбинатов в автономных и союзных республиках велось в интересах всей страны, как их понимали в Москве. Предприятия союзного подчинения, со своим персоналом, администрацией и территорией, образовали особую зону, неподконтрольную республикам. Такая двойственность встречалась и раньше в истории России (например, земщина и опричнина), но ближайшие аналогии, кажется, следовало бы искать в колониях европейских держав, где земли и рудники «имперского (белого) подчинения» соседствовали с туземными резерватами и княжествами. В итоге к концу советского периода уже открыто шла борьба за право распоряжаться ресурсами между республиками и Москвой. В битве за сырье союзные и автономные республики победили. Теперь у «титульных» народов появился не только свой государственный аппарат, но и собственная сырьевая база.

Историк А.В. Шубин писал о республиках Средней Азии и Кавказа в составе СССР: «По существу, это были страны колониального типа... Но КПСС не могла рассматривать союзные и автономные республики через призму колониальной модели».²⁶ А.В. Шубин сравнивал эти республики с колониальными странами Азии и Африки, в которых национальную революцию вызвал распад традиционного общества и рост маргинальных слоев населения. О «советских колониях» писали и многие другие отечественные и зарубежные исследователи.

В союзных республиках, ставших независимыми государствами, возможны самые разнообразные политические и экономические потрясения, но вымирание государствообразующим народам больше не угрожает.

²⁶ Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005. С. 252.

Почему Сомали не Ботсвана?

Превращение негосударственных народов в хозяев независимого государства происходило не только на территории бывшей Российской империи. И. Копытов писал о процессе колониальной модернизации:

К XX веку племя стало смешиваться с понятием этничности в таких районах, как Африка. В чистом виде племя, или этническая общность, представлялось одновременно как культурная, языковая и даже биогенетическая единица, имеющая общие исторические корни и заслуживающая политического признания. Если, обладая всеми вышеперечисленными признаками, общность не являлась государством, то она воспринималась в качестве естественного претендента на статус государства.²⁷

Во второй половине XX века абсолютное большинство колоний стало независимыми государствами. Одно из бывших «колониальных племен» могло доминировать на национальном уровне, но чаще новый аналог титульного народа развивался на уровне провинций или штатов (что, безусловно, способствовало развитию вполне современного сепаратизма). Лишь немногие народы напоминали европейские нации, составляя большинство населения в своих странах, например сомалийцы в Сомали и тсвана (батсвана, или бечуаны) в Ботсване.

Сомали и Ботсвана заслуживают внимания и как примеры разнонаправленного развития со сходных стартовых позиций. В XIX веке сомалийцы и тсвана жили в сопоставимых природных условиях (малонаселенные засушливые территории, непригодные для аграрной колонизации, и немногочисленные речные долины). Были и некоторые различия. Земли, населенные сомалийцами, примыкали на севере и востоке к Индийскому океану, тогда как тсвана обитали во внутренней части Южной Африки вдали от океана.

К моменту европейского вторжения и сомалийцы, и тсвана не имели собственной государственности. Тсвана испытывали давление со стороны более организованных и воинственных соседей-матабеле (ндебеле), а затем буров, которые регулярно совершали набеги за скотом и рабами на земли тсвана, но сами имели лишь эфемерные туземные «королевства». Тсвана жили вдалеке от основных торговых путей. Сомалийцы находились в более выгодном положении. Их контакты с христианскими и мусульманскими государствами на территории Эфиопии, а затем с Османской империей, Оманом и португальцами были непрерывными в течение нескольких столетий. Однако пришельцы, как правило, не рисковали заходить в глубь сомалий-

²⁷ Копытов И.Г. Указ. соч. С. 239.

ских земель, ограничиваясь посещением или захватом торговых городов на побережье Индийского океана. В число таких городов входил и Могадишо, нынешняя столица Сомали.

И тсвана, и сомалийцы были разделены на враждовавшие друг с другом племена. Оба народа занимались в основном скотоводством, и конфликты обычно возникали из-за скота и пастбищ. Часть сомалийцев занималась рыболовством и торговлей. Все сомалийцы были мусульманами; приверженность к одной из мировых религий упрощала их контакты с единоверцами и защищала жителей Африканского Рога от рабства. Тсвана лишь в XIX веке узнали о христианстве от европейских миссионеров.

Все источники того времени описывают сомалийцев как воинственный народ. О тсвана живший среди них миссионер Ливингстон писал как о «женственных бечуанах»²⁸ (в отличие от их соседей-зулусов). В начале XIX века тсвана пережили сильнейшие эпидемии оспы и кори. Сомалийцы, более открытые различным внешним влияниям, по-видимому, были и более защищенными от болезней, которые могли занести с собой европейцы.

В ходе британского завоевания Южной Африки тсвана были разделены между Южно-Африканским Союзом (современная ЮАР) и протекторатом Бечуаналенд (современная Ботсвана). Лучшие земли в протекторате были захвачены белыми фермерами и горнодобывающими компаниями. Остальная территория была разделена на 5 резерватов, в них были переселены покоренные и частично христианизированные племена тсвана. Южно-Африканский Союз пытался аннексировать протекторат, но вожди племен, ссылаясь на договоры с Британской империей, смогли отстоять особый статус Бечуаналенда.

Сомалийцы также были разделены границами колониальных владений (Итальянское и Французское Сомали, британский Сомалиленд), часть народа оказалась в британской Кении и независимой Эфиопии. В Сомалиленде местные племена в 1899–1920 годах упорно сопротивлялись колонизаторам, были разгромлены, но массового притока европейцев в страну не было. В Итальянском Сомали лучшие земли, пригодные для земледелия, были переданы итальянским компаниям; при Муссолини поощрялось переселение туда крестьян из Италии.

Населенная сомалийцами область Огаден в Эфиопии, Итальянское Сомали и Сомалиленд стали ареной военных действий в 1935–1941 годах. После Второй мировой войны интерес к итальянским владениям тогда одновременно проявили британцы, власти Южной Африки и Советский Союз; США предлагали ввести коллективную опеку. В итоге мандат ООН на итальянскую часть Сомали был вновь передан Италии.

²⁸ Ливингстон Д. Указ. соч. С. 28.

Британский Сомалиленд и Итальянское Сомали, получившие независимость и объединившиеся в 1960 году, как и Бечуаналенд, ставший независимой Ботсваной в 1966 году, представляли собой лишь часть территорий, населенных сомалийцами и тсвана. В то же время благодаря особенностям колониального раздела Африки обе страны получили почти однородное туземное население.

После провозглашения независимости сомалийцы и тсвана впервые в истории обрели государственность, признанную мировым сообществом. В экономическом плане Ботсвана первоначально уступала Сомали. Сомалийская экономика была более диверсифицированной, от итальянцев и британцев в стране остались относительно развитая промышленность, хорошие дороги, система образования и здравоохранения. Колониальная модернизация не охватила всю территорию Сомали, но то же можно было сказать и о Ботсване.

В отличие от Сомали, Ботсвана была отрезана от моря и от других независимых стран Африки; вплоть до 1980 года страну окружали владения расистских (белых) режимов ЮАР и Южной Родезии. До получения независимости в протекторате Бечуаналенд не было городов. Административным центром протектората был город Мафекинг, который находился на землях, населенных тсвана, но на территории ЮАР. В национальной экономике ведущую роль играло скотоводство. Тсвана страдали от безработицы, многие мужчины уходили на заработки в ЮАР. Фактически страна представляла собой большой «бантустан» (туземный резерват), сильнее всего пострадавший от политики южноафриканских властей.

Казалось бы, Ботсвана должна была и в дальнейшем отставать от Сомали. Однако за несколько десятилетий независимого развития ситуация радикально изменилась. Ботсвана демонстрировала стабильно высокие показатели экономического роста. В стране были построены города, в том числе Габороне, нынешняя столица Ботсваны. Основой экономики стала добыча алмазов. В других странах Африки с «кровавыми алмазами» были связаны длительные вооруженные конфликты, но Ботсване удалось избежать войн, переворотов и межплеменных столкновений. Ботсвана развивалась как сырьевое государство со слабо диверсифицированной экономикой и многопартийным демократическим режимом, возглавляемым вождями племен. Власти страны не пытались оспаривать итоги колониального раздела земель, населенных тсвана, придерживаясь принципа нерушимости границ.

Сомалийские власти пошли другим путем, выбрав политику пансомализма (объединение всех территорий, на которые претендуют сомалийские племена) и непризнания постколониальных границ. Отношения с соседними странами были испорчены, сомалийская армия и национально-освободительные фронты воевали в Кении и Эфиопии.

После Октябрьской революции в 1969 году сомалийские власти начали строить социализм. До 1977 года, когда сомалийцы начали неудачную для них войну с Эфиопией, важнейшим военно-политическим партнером Сомали был Советский Союз. Сомалийский социализм несколько отличался от советского. Вождь Октябрьской революции, президент страны Сиад Барре, выступая против эксплуатации рабочих, говорил:

Никто не должен командовать двумя, тремя или четырьмя сотнями людей, мы будем работать все вместе и есть будем тоже все вместе. Это то, что мы хотим, это — социализм. Собственники сохраняют свою собственность, но насущные потребности для жизни и прогресса они будут одинаково делить со всеми сомалийцами. Это наши принципы.

Те гиены, кто повторяют слова империалистов, говорят о конфискации и предлагают людям срочно забирать деньги из банков, будут продолжать свое дело. Деньги из банков заберут лишь те, кто с ними заодно.²⁹

Экономика Сомали продолжала развиваться по колониальной модели, несмотря на реформы (национализация иностранной собственности, в том числе банков, госсобственность на землю и недра, контроль над ценами и т. п.) и создание однопартийного режима. Серьезный удар по благополучию сомалийцев нанесла засуха, когда многие кочевники лишились скота. Но не только экономические трудности и однопартийность привели к краху Сомали как единого государства.

Несмотря на декларации о равенстве всех сомалийцев и единстве нации, сомалийский режим не смог обеспечить всем племенам равные возможности для доступа к власти. Особенно ущемленными чувствовали себя племена бывшего британского Сомалиленда. Войны с соседями не принесли успеха, создать Великое Сомали не удалось, новой проблемой стали лагеря беженцев из Эфиопии. В итоге недовольные племена восстали и в 1991 году режим пал.

В отличие от 1969 года на этот раз государство не вынесло потрясений и буквально развалилось. Сомалийцы не вернулись в догосударственное состояние, создав несколько правительств, претендовавших на международное признание, однако политическое единство страны не восстановлено до сих пор. От войн с соседями сомалийские племена перешли к междоусобной борьбе, которая продолжается до сих пор.

Если посмотреть на итоги развития двух стран в 2008 году,³⁰ становится ясно, что Ботсвана тихо и незаметно (во всяком случае, для российских обывателей и политических деятелей) значительно отделилась от наименее

²⁹ История Африки в документах. Т. 3. С. 168.

³⁰ L'Etat de l'Afrique 2009. Jeune Afrique. Hors-série. Paris, 2008. N 21. P. 161, 170.

развитых стран Африки. ВВП на душу населения составил \$5840. Экономика страны, несмотря на замедление роста из-за глобального кризиса, несопоставима со стартовым уровнем 1960-х годов. Опора экономики — добыча и экспорт алмазов, но развиваются и другие отрасли, в частности добыча меди и никеля и туризм.

В то же время продолжительность жизни в Ботсване составляет лишь 50,7 лет — слишком мало по сравнению с более благополучными странами. Население Ботсваны достигло 1,9 млн. человек (3 человека/кв.км). Однако «качество» этого населения в последние годы заметно ухудшилось. В частности, очень велико число ВИЧ-инфицированных ботсванцев. В Ботсвану теперь стекаются не только квалифицированные кадры из других стран Африки, включая ЮАР, но и беженцы из соседнего демодернизированного Зимбабве (бывшей Южной Родезии). Медицинские и демографические проблемы — плата за исторический скачок народа тсвана из негосударственного общества в современность.

По сравнению с Ботсваной Сомали на современном этапе развития выглядит, мягко говоря, плачевно. Политический кризис продолжается. Непризнанный Сомалиленд пытается окончательно отмежеваться от буйных соседей, но граница между бывшими британскими и итальянскими владениями в Сомали слишком прозрачна и в географическом, и в этническом плане. Международного признания республика, провозглашенная в 1991 году, не получила до сих пор.

В «итальянской» части Сомали, в автономном регионе Пунтленд, при очень неплохом потенциале (минеральные ресурсы, в том числе нефть, возможность развития рыболовства и портов на побережье Индийского океана) реальной опорой благополучия прибрежных районов становится коммерческое пиратство. Эта отрасль народного хозяйства может быть описана как высокодоходная, но с большими рисками для ее участников. Основная проблема заключается в том, что пираты вышли за рамки нормального «санитарного» грабежа в никем не охраняемых территориальных водах Сомали. Платить сомалийцам за проход торговых судов в обширном районе Индийского океана, как в начале XX века платили за проход караванов по землям сомалийских племен, мировое сообщество, по-видимому, не собирается. Еще одна потенциальная проблема — немногочисленность самих пиратов (по оценкам, около тысячи человек в 2008 году) по сравнению с общей численностью населения страны, а также происходящее под влиянием пиратов разложение традиционного образа жизни в Пунтленде.³¹

³¹ См., например: *Бадов А.* Триумфальное возвращение Веселого Роджера // Эксперт. 2008, 17–23 нояб. № 45. С. 87.

Что касается остальных частей Сомали, то можно сказать, что экономика там есть, и это само по себе уже чудо в условиях многолетней войны. Экономическое развитие обеспечивается за счет распределения и перераспределения (в том числе насильственного) гуманитарной помощи и доходов, поступающих от сомалийской диаспоры. Национальной экономической статистики в Сомали сегодня, по-видимому, нет. В ежегодном обзоре «Жён Африк» преобладает показатель «нет данных», указан лишь обменный курс национальной валюты (сомалийский шиллинг) и объем прямых иностранных инвестиций (\$141 млн, очевидно, без учета выкупа, получаемого пиратами). Для сравнения, прямые иностранные инвестиции в экономику Ботсваны в 2008 году составляли \$495 млн. В действительности экономический разрыв между этими двумя странами, скорее всего, не исчисляется пропорцией 1:3,5 и увеличивается, несмотря на мировой кризис.

На этом фоне единственный плюс Сомали по сравнению с Ботсваной находится в демографической сфере. Значительная часть сомалийцев вполне успешно включилась в процессы модернизации и интегрировалась в современный мир, но не у себя на родине. Транснациональные сомалийские сети достигли таких масштабов, когда благополучие конкретной семьи, оставшейся в стране, может в большей степени зависеть от экономической ситуации в Сизтле, Лондоне и Стокгольме, чем от интенсивности боев в Могадишо.

Численность населения (8,7 млн. человек, 14 человек/кв.км) устойчиво растет, так что и у вооруженных формирований, и у диаспоры постоянно есть значительный резерв для пополнения рядов. Несмотря на войну, средняя продолжительность жизни в Сомали составляет 48,2 года — ненамного меньше, чем в мирной Ботсване.

Грабительское первоначальное накопление, осваиваемое пиратами, едва ли превратит Сомали в Англию времен Дрейка и Елизаветы — слишком велико внешнее сопротивление этой модели развития. Основные доходы от грабежа, скорее всего, уйдут в диаспору, т. е. вернуться в страны, объявившие войну сомалийскому пиратству.

Пример Сомали и Ботсваны показывает, что негосударственный народ может изменить формальный статус и превратиться в государствообразующий этнос. Однако политические перемены несут с собой риск демодернизации.

Тсвана добились значительных успехов, в частности, потому, что Ботсвана не проводила социалистических экспериментов и не пыталась расширять территорию за счет соседей. Ботсвана была слишком слабой, чтобы позволить себе конфликт с намного более развитыми ЮАР или Южной Родезией. Мирное соседство с ЮАР, бесспорным центром экономического и культурного притяжения на юге Африки, можно отнести к конкурентным преимуществам Ботсваны. Сила Ботсваны и ее народа коренилась в их слабости.

Сомалийцы не сумели использовать более выгодное стартовое положение и результаты колониальной модернизации. Укрепление армии, религиозные различия и воспоминания о доколониальных победах над соседними народами мешали наладить отношения с намного более развитой Кенией, которая могла стать для Сомали центром модернизации после ухода итальянских и британских колонизаторов. Комбинация из двух крайне опасных компонентов – социалистического эксперимента и войн с соседними странами — привела к краху сомалийского государства.

Оценивая ситуацию в Африке в 1990-х годах, кенийский ученый Али Мазруи писал:

Значительная часть современной Африки находится в процессе угасания и распада. Даже относительный уровень зависимой модернизации, достигнутый при колониальном владычестве, теперь утрачивается.

Последовательное крушение государственности в странах в начале 90-х годов подсказывает невероятное доселе решение: реколонизация.³²

На практике все попытки умиротворения Сомали по квазиколониальному образцу с использованием внешней силы пока были неудачными. Реколонизация, как и полный отказ от государственности, сомалийцам не грозит. Скорее можно ожидать возвращения к модернизации с опорой на диаспору в одном или нескольких сомалийских государствах.

В целом плата за модернизацию оказалась для сомалийского народа крайне высокой. В отличие от североамериканских индейцев и некоторых этносов России, сомалийцы-мусульмане смогли избежать массового алкоголизма, но не устояли перед соблазнами социализма и современного оружия. Сила сомалийских племен оказалась их слабостью, тормозом на пути постколониальной модернизации.

Российский путь для «глобально лишних»

Для современной России мировой опыт развития «лишних» народов интересен с точки зрения будущего нашей страны. После 1991 года Российская Федерация не превратилась ни в Ботсвану, ни в Сомали. Социально-экономический регресс некоторых территорий и групп населения, безусловно, имел место, но даже в Чечне или полузабытой центральными властями Тыве он не достиг сомалийских масштабов. Упоминания в научной литературе о «пиратизации» России основаны скорее на внеисторичной эмоцио-

³² История Африки в документах. Т. 3. С. 82.

нальной оценке пиратства, чем на исследовании исторических и экономических процессов, связанных с этим феноменом. Безусловно, в постсоветской России имели место рэкет на торговых путях и «стационарное» внеэкономическое принуждение в бизнесе. Однако государственная машина не исчезла, хотя некоторые ее узлы и рычаги были успешно освоены паразитирующими «пиратскими» структурами.

Сырьевая специализация России в мировой экономике сегодня не вызывает сомнений. Можно по-разному оценивать возможности использования советского индустриального наследства, но бесспорно, что оно немало пострадало в процессе перехода к хищнической модернизации. Возвращение к традициям российского товарообмена с «туземцами» привело к тому, что формально защищенные этносы вновь оказались лишними на своей земле.

Стратегии выживания коренных малочисленных народов, как и в XIX веке, связаны с пассивным приспособлением, с попытками экономической интеграции, либо с «бегством от цивилизации».

Пассивное приспособление ведет, без всякого преувеличения, к гибели тех, кто его выбирает. Потомки рыболовов и охотников теряют профессиональные навыки и сближаются по своему социальному статусу с российскими бомжами. В немалой степени такому исходу способствует алкоголизм. Безработица, безжалостное давление хищнического бизнеса в сочетании с социальной и физической деградацией ведут к увеличению числа самоубийств. В результате малочисленные народы Севера оказались в зоне сверхнизкой ожидаемой продолжительности жизни. Н.В. Зубаревич отмечает, что у этих народов «ожидаемая продолжительность жизни мужчин не превышает 46–50 лет вследствие массового алкоголизма»³³. Аналогичная ситуация наблюдается и в Республике Тыва;³⁴ выше уже упоминались сходные показатели для тсвана (из-за большого числа ВИЧ-инфицированных) и сомалийцев.

В постсоветской России «приспособленцы» могли служить наглядной иллюстрацией поведения негосударственных народов после первого шокового контакта с европейцами. В целом стратегия пассивного приспособления оказалась, бесспорно, тупиковой.

Выбирая стратегии интеграции, представители «лишних» этносов могут влиться в модернизирующееся сырьевое государство за счет внешней поддержки, в частности от НПО, занимающихся решением экологических проблем. Встречается также официальное либо негласное встраивание

³³ Зубаревич Н.В. Территориальный ракурс модернизации // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Вып. 2. Социальные аспекты модернизации. М., 2009. С. 217.

³⁴ Там же.

малочисленных народов в бизнес как младших партнеров. Например, в Мурманской области в 2008 году саамская родовая община «Чигар» наладила сотрудничество с туристической компанией «Кольские путешествия». Фирма, пользователь рыбопромыслового участка на реке Кица, организовала бесплатный обмен услугами. Бизнесмены обеспечили общину лицензиями на лов семги. В свою очередь, «Чигар» брал на себя борьбу с браконьерами и сервисные услуги (уборка прибрежной территории, съём сетей). В 2009 году участок получил «Мурманрыбвод». Для борьбы с резко возросшим браконьерством новый пользователь нанял на работу представителей общины и выдал им моторную лодку.³⁵

Характерно, что право пользования рыбопромысловым участком не принадлежит общине, хотя аборигены, очевидно, ловили рыбу в реке и до появления официальных пользователей. Другие саамские общины лицензий пока не получили.

Какая из стратегий интеграции получит распространение, зависит от того, насколько конкретная территория и ее ресурсы будут полезными для бизнеса и государственных структур. В большинстве субъектов Российской Федерации малочисленные народы, скорее всего, будут вынуждены довольствоваться ролью младших партнеров государственных и частных компаний.

По сравнению с XIX веком и с советским периодом, в постсоветскую эпоху существенно изменилась, но не исчезла стратегия ухода от модернизации. На территории России «лишним» народам сегодня бежать некуда. За редким исключением, маловероятен и уход за пределы страны (если не считать непродолжительный опыт чеченских беженцев). В этих условиях уход от модернизации приобретает «сомалийский» характер. Еще в советский период стало заметным стремление многих представителей народов Севера и Сибири получить образование и остаться в городе. В конце 1980-х годов из их числа вышли самые активные защитники национальной самобытности и традиционного образа жизни, но возвращаться к такому образу жизни «городские аборигены» не стремились. В итоге формируются сетевые структуры, в которых город поддерживает оставшихся на родине, фактически взимая плату за помощь.

По отношению к соседям сети выступают как включенные и в то же время враждебные социальные структуры, вплоть до криминальных с точки зрения российского государства и коренного населения. В данном случае,

³⁵ Воронина К. Ловись, рыбак, большой и маленький // Эксперт Северо-Запад. 2009, 6–12 июля. № 26. С. 19. О проблемах «встраивания» саамов в постсоветскую реальность Мурманской области см. также: Кучинский М.Г. Риторика традиционности и реалии природопользования // Расы и народы. 2007. Вып. 33. С. 72–86.

коренным населением оказывается основная масса горожан, но привилегии «коренных» сохраняют «списочные» аборигены.

В перспективе именно сетевой вариант развития оказывается перспективным. Без развитых сетей малочисленные народы обречены на социальную и экономическую деградацию, теряя даже шанс ассимилироваться. Формальная защита при этом парадоксальным образом может даже усиливаться.

После 1991 года под давлением городских образованных жителей из числа «коренных малочисленных народов», российских и зарубежных НПО положение официально признанных малых этносов внешне изменилось к лучшему. Можно сказать, что политкорректность восторжествовала и в Российской Федерации. Органы государственной власти в Москве и в регионах теперь знакомы с международными документами, защищающими права коренных народов, такими, например, как Декларация прав аборигенных народов. Российские чиновники, депутаты, представители малочисленных народов Севера и Сибири участвуют в международных конференциях по проблемам «своих» регионов. Созданы ассоциации по делам аборигенов, которые выступают в роли лоббистов, защищая интересы своих этносов.

Интересы коренных малочисленных народов были учтены в федеральном законодательстве, в том числе в законах «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».³⁶ В феврале 2009 года правительством Российской Федерации была утверждена концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.³⁷

Законы о коренных малочисленных народах были приняты в субъектах Российской Федерации, в частности в Кемеровской области, Республике Саха (Якутия), Сахалинской области. В законе «О недрах и недропользовании в Ямало-Ненецком автономном округе» утверждалось, что «пользование недрами на территории автономного округа должно осуществляться в интересах населения автономного округа с учетом обеспечения экологи-

³⁶ Список федеральных законов, регулирующих вопросы Севера и коренных малочисленных народов. URL: <http://www.severcom.ru/law/item21-2.html> (дата обращения: 16.07.2009).

³⁷ Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. URL: <http://www.severcom.ru/law/item28-1.html> (дата обращения: 16.07.2009).

ческой безопасности, сохранения окружающей природной среды и традиционного уклада жизни коренных малочисленных народов Севера, народов Российской Федерации».³⁸ Согласно законодательству Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, «социально-экономические условия в договорах (лицензионных соглашениях) согласовываются с органами местного самоуправления и общественными организациями коренных малочисленных народов Севера, на территории которых расположен участок недр».³⁹

Несмотря на постоянный рост количества законов, в которых особое место уделено коренным малочисленным народам, на практике имеет место скорее политкорректность и вполне современная форма заинтересованности (получение госзаказа или грантов и т. п.), чем реальная забота о малых этносах.

В российском законодательстве стало нормой использование понятий «родовые угодья» и «родовые общины». Однако термины, попавшие в законодательство из этнографической литературы, слишком неконкретны для практического применения. Современная «родовая община» Севера и Сибири может мало отличаться от семей более многочисленных этносов (якутов, русских старожилов). Кроме того, род у малых этносов может быть относительно недавним искусственным образованием. Еще в XVIII веке российская администрация объединяла в фискальных целях остатки туземных родов и семей, вымиравших из-за войн, болезней и голода.⁴⁰ Таким образом, создавался «административный род», мало отличавшийся от африканских «колониальных племен».

В советскую эпоху прежние «административные роды» объединялись в колхозы и совхозы. После распада СССР на территории развалившихся хозяйств появились «родовые угодья». Жители Севера и Сибири были отброшены на столетие назад, в эпоху хищничества, но теперь у них были «свои» территории, относительно четко разграниченные на карте.

Мелкие местные хищники (коммерсанты, связанные с бизнесом чиновники) и приезжие торговцы не обращали внимания на пережитки советской эпохи. Прежних пользователей любыми способами вытесняли из мест, богатых сырьем. В этом отношении судьба родовых общин после распада советской системы землепользования мало отличалась от участи российских колхозников на привлекательных территориях, например в Подмосковье.

³⁸ Салиева Р.Н. Правовое обеспечение развития предпринимательства в нефтегазовом секторе экономики. Новосибирск, 2001. С. 135–136.

³⁹ Там же. С. 145.

⁴⁰ См., например: Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979. С. 20–21.

Крупные компании чаще соблюдали нормы политкорректности. Формально они учитывали интересы малых этносов, предпочитая договориться с представителями аборигенов. Фактически так возникла новая форма опеки над народами, которые не в состоянии защитить себя самостоятельно.

От советских культуртрегеров современные опекуны отличаются более щедрой материальной помощью (компенсации за землепользование и вред, нанесенный природе, поддержка официальных мероприятий, в которых участвуют представители малочисленных коренных народов). Однако реальное развитие процесса хищнической модернизации в России делает опеку со стороны бизнеса малоэффективной для негородских аборигенов.

Российское законодательство теперь создает более благоприятные условия для жизни коренных малочисленных народов, официально признанных государством. Но дискриминация по признаку этнического происхождения не могла не вызвать ответной реакции, поскольку коренными и одновременно малочисленными могут назвать себя и другие народы России. В список народов-претендентов, перечисленных в «Перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации», были, в частности, включены вепсы, воль, ижорцы Северо-Запада, абазины, агулы, андийцы, арчинцы, ахвахцы, бежтинцы, ботлихцы, гинухцы, годоберинцы, горские евреи и таты, гунзибцы, кайтагцы, каратинцы, кванединцы (багулалы), кубачинцы, рутульцы, тиндинцы, хваршинцы, цахуры, цезы, чамалинцы, шапсуги Северного Кавказа, алыторцы, кереки, тазы Дальнего Востока, шорцы Восточной Сибири. Некоторым из них удалось добиться включения в льготный список, другим — нет.

Улучшенное законодательство привело к появлению новых «административных этносов». Привилегированного положения теперь добивались представители сойотов, чулымцев, тувинцев-тоджинцев. Среди «паспортных» русских на тот же статус претендовали поморы (безуспешно) и камчадалы (успешно). Наиболее драматично развивалась ситуация на Алтае, где официально обособились от титульных алтайцев и добились статуса коренных малочисленных народов кумандинцы, телеуты, теленгиты, тубалары, челканцы. Распад алтайского «административного этноса» вызвал тревогу у властей Республики Алтай. В мае 2009 года была проведена специальная научно-практическая конференция, в ее декларации говорилось: «Республика Алтай создана на основе волеизъявления двух коренных государственнообразующих народов Горного Алтая — русских и алтайцев, включающих теленгитов, тубаларов, чалканцев, кумандинцев».⁴¹

⁴¹ Научно-практическая конференция признала коренные малочисленные народы Республики Алтай частью алтайского этноса. URL: <http://www.bankfax.ru/page.php?pg=60930> (дата обращения: 15.07.2009).

Сейчас в Российской Федерации официально признаны 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.⁴² Все эти малые этносы пользуются разнообразными льготами, которых лишены представители соседних народов. На этой почве не могла не появиться тенденция к смене т. н. паспортной национальности.

Еще до 1991 года в некоторых районах российского Севера начали появляться «ненастоящие» аборигены. Тогда это были в основном представители смешанного населения и соседних более многочисленных этносов. Например, в Якутии появились саха (якуты), записанные эвенками, эвенками, юкагирами. Особенно замечателен пример одного из районов республики (Анабарский улус), где местные жители перестали быть якутами. Теперь они не саха, а близкородственные якутам по языку долганы и, следовательно, имеют право на все льготы, положенные малочисленному долганскому народу.⁴³

Повышение статуса коренных малочисленных народов теоретически вело к их все большей суверенизации. Однако такой путь развития для большинства негосударственных народов России закрыт или доступен лишь в ограниченных масштабах. По периметру границ Российской Федерации сегодня почти нет центров модернизационного притяжения, каким ЮАР была для Ботсваны. Совсем немного случаев, когда импульс модернизации может передаваться через границу России с соседними государствами (например, от финнов и саамов Северной Европы к российским карелам и саамам). Разумеется, воздушный транспорт и Интернет существенно изменили взаимодействие на индивидуальном уровне, но их воздействие порождает скорее завышенные ожидания и последующую фрустрацию в определенных социальных слоях, чем реальные шансы перейти к модернизации и не погибнуть.

Ограниченный выход доступен для тех народов, которые успели стать титульными в «своих» республиках, например для якутов и чеченцев. Они выиграли шанс попасть в светлое (или любое другое) будущее в статусе государственных народов Российской Федерации. Даже относительно немногочисленные титульные народы уже имеют сложившееся осознание своей особой истории, территории, экономики и, что особенно важно, права на государственный суверенитет, от которого нельзя отказаться. Например, как

⁴² Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации URL: <http://www.severcom.ru/law/item28-1.html> (дата обращения: 16.07.2009).

⁴³ *Винокурова Л.И.* Аборигенные этносы Республики Саха (Якутия) в модернизирующемся обществе // *Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия)*. Новосибирск, 2000. С. 167–168.

писали якутские ученые Т.П. Петрова и Э.Т. Мьяриянова, «русские, украинцы, белорусы и другие на территории Якутии правом на самоопределение, национальный суверенитет и государственность не обладают (этим правом они обладают на территории своей нации). И именно с правом на самоопределение связаны различия в национальных правах коренных наций и инонационального населения. Отсюда приоритет якутской нации, ее национальной жизни на территории республики».⁴⁴

В период президентства В.В. Путина законодательство республик было в основном приведено в соответствие с федеральным, их суверенизация была приостановлена с формированием централизованного субнационального бюрократического авторитаризма.⁴⁵ Полная утрата республиканского суверенитета маловероятна, за исключением тех случаев, когда титульный народ относительно недавно, примерно одно поколение тому назад, перешел с областного на республиканский уровень (Хакасия, Карачаево-Черкесия, Адыгея, Республика Алтай). Однако и в этих республиках суверенизация прошла уже достаточно долгий путь, «титульная» молодежь другого статуса не помнит.

Полный политический уход от России для большинства титульных народов не представляется ближайшей перспективой, и не потому, что российский вариант модернизации так уж привлекателен для республиканских элит. Сформировавшиеся за советский период и еще больше окрепшие после 1991 года этносетевые структуры в основном остаются внутрirosсийскими. Нет и сильных центров притяжения за рубежом, например, таких, какой была австрийская Галиция для российских украинцев в Российской империи.

Со своей стороны, «дать волю» титульным народам республик и округов, входящих в состав Российской Федерации, российский государственный организм не может, и отнюдь не из-за врожденной склонности к деспотизму или русского национализма чиновников в Москве и региональных столицах. Объективная причина такого упорства российского государства (как и некоторых других государственных организаций, например грузинского) связана с характером расселения большинства «лишних». Даже если представить себе, что города «принадлежат» тем народам, на чьей территории они построены, и игнорировать межрегиональные этносетевые структуры, то и

⁴⁴ См.: Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия). Новосибирск, 2000. С. 160. Впрочем, далее, на той же странице, утверждается, что «все граждане республики равны в своих правах независимо от национальной принадлежности».

⁴⁵ О централизованном и децентрализованном субнациональном авторитаризме см.: *Гельман В.Я.* Динамика субнационального авторитаризма: Россия в сравнительной перспективе. СПб., 2009.

при таких условиях Российская Федерация без «лишних» народов, точнее без территорий, на которых эти этносы «прописаны» как коренные народы, будет иметь форму, непригодную для дальнейшего самостоятельного государственного существования, похожую на «кусок сыра с огромными дырками, вернее, даже на одни дырки без сыра».⁴⁶

Что касается официально признанных малочисленных коренных народов, нынешний юридический статус защищает названия и привилегии этих этносов, но, как уже говорилось, далеко не всегда их самих.

В 2000-х годах признанный государством особый статус коренных малочисленных народов был сохранен. Однако в тот же период произошло радикальное изменение региональной политики. Несколько этносов утратили статус титульных народов, сохранив лишь «свои» районы в составе субъектов Российской Федерации, — эвенки, долганы и ненцы Красноярского края, коряки Камчатки, коми-пермяки Пермского края, а также буряты в бывших Усть-Ордынском и Агинском округах.

Идея ликвидации автономных округов, в которых титульные народы давно утратили прежнее значение для местной экономики и политики, высказывалась еще до распада Советского Союза. Как полагал ученый-этнограф, а впоследствии один из творцов российской национальной политики А.В. Тишков, «существующие автономные округа, где эти народы составляют от 1,5 до 10 % населения, изжили себя, не обеспечивают фактических прав и интересов этих народов и стали тормозом на пути их развития»; взамен он предлагал создать «территории-резерваты», где бывшие титульные этносы должны были получить «исключительные права на возобновляемые и частично невозобновляемые ресурсы».⁴⁷

Объединение регионов на первый взгляд не играло существенной роли для малых этносов. Объем государственной помощи «опекаемым» округам, преобразованным в районы краев и областей, не сократился, а даже увеличился.

Однако символическое значение перемен исключительно велико. Объединение практически выравнивает статус народов, еще недавно относившихся к числу титульных, и тех этносов, которые не имели автономии или лишились ее в 1930-х годах. Уровень защиты коренных малочисленных народов теперь зависит от доброй воли региональных властей, которая во многом определяется финансовыми соображениями и экономической ситуацией в стране.

Пока не подверглись деавтономизации Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий (в Тюменской области), Ненецкий (в Архангельской области) и

⁴⁶ Пятьдесят семь вопросов избирателей Президенту России. М., 1996. С.30.

⁴⁷ Тишков А.В. Указ. соч. С. 82.

Чукотский автономные округа. Все эти округа, кроме Чукотского, одновременно входят в другие субъекты федерации. Превратить округа областей «матрешек» в районы мешает их особое место в добыче нефти и природного газа. ЯНАО (Ямал) и ХМАО (Югра) — без преувеличения, часть позвоночного столба России как сырьевого государства.⁴⁸

Теоретически все автономные округа можно уравнивать в статусе с «нормальными» областями. Однако такое решение маловероятно, и не только потому, что оно будет означать конец политики слияния субъектов федерации. По экономическому весу и политическому значению сохранившиеся округа сопоставимы не с областями, а с такими республиками, как Татарстан и Чечня; для дальнейшей суверенизации округов достаточно факта существования титульных народов. В ожидании нового витка борьбы за Арктику и окончательной деволуции Гренландии слишком рискованно менять статус 4 российских округов и живущих в них титульных этносов.

Процесс деавтономизации российских автономных округов выглядит как обратный по отношению к общемировой тенденции (ср. рост числа штатов и официально признанных аборигенных сообществ в Индии и Бразилии, расширение автономии Гренландии). Такое «встречное» развитие российской региональной политики в России напрямую связано с сырьевым характером экономики и государственности Российской Федерации. Устранить риск дальнейшей суверенизации, реального роста влияния негосударственных народов по образцу канадских «первых наций», бразильских индейцев и гренландцев — в интересах добывающей промышленности (как частных, так и государственных компаний) и сырьевого государства. Экономические интересы большинства населения России, независимо от этнического происхождения, а также национального и иностранного бизнеса будут совпадать с интересами Российской Федерации как сырьевого государства.

В этом случае, безусловно, можно говорить о ресурсном проклятии негосударственных народов России. В периоды экономического подъема эти народы оказываются дополнительным обременением для компаний, осваивающих природные ресурсы. Места обитания аборигенов воспринимаются пришельцами как пустыня, которую необходимо покорить и эффективно (или хищнически) использовать.

В периоды экономического спада народы, которые не смогли добиться статуса титульных на уровне республик, тем более оказываются ненужной социальной нагрузкой и для бизнеса, и для государства. Алкоголизм, безработица, утрата традиционного или советского образа жизни и родного языка малыми этносами не вызывает сочувствия или беспокойства у большинства

⁴⁸ О роли автономных округов в современной России см., например: *Зубаревич Н.В.* Указ. соч. С. 177–272.

населения России, погруженного в собственные заботы. Негосударственные народы и в этих условиях оказываются «лишними», как это было в Российской империи на рубеже XIX–XX веков.

Существенное отличие от досоветского периода состоит в том, что для чиновников и всего населения теперь представляют интерес «бонусы» в законодательстве о коренных малочисленных народах. Сырьевое государство сегодня слишком зависит от экспорта сырья, чтобы игнорировать внешний мир, в котором бывшие «глобально лишние» народы все успешнее защищают свои интересы. Эти обстоятельства позволяют предполагать, что с возобновлением процесса российской модернизации сохранятся не только имена официально признанных малых этносов, но и некоторые народы из списка коренных малочисленных народов России.

Николай Добронравин

«Глобально лишние»:
негосударственные народы и сырьевое государство

Препринт М-08/09

В авторской редакции

Корректор — Е.И. Васьковская

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 01.09.09
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышению квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность.

В составе М-Центра работают специалисты,
участвовавшие в подготовке коллективных монографий:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор М-Центра — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**

Препринты Центра исследований модернизации

М-01/08

Владимир Гельман

Динамика субнационального авторитаризма:
Россия в сравнительной перспективе

М-02/09

Андрей Стародубцев

Политическая лояльность или экономическая эффективность?
Политические и социально-экономические факторы распределения
межбюджетных трансфертов в России

М-03/09

Дмитрий Травин

Модернизация общества и восточная угроза России

М-04/09

Андрей Заостровцев

Модернизация и институты: подходы к количественному измерению

М-05/09

Анна Тарасенко

Инкорпорирование групп интересов в процесс принятия решений
как фактор модернизации в России

М-06/09

Алексей Гилев

Политические трансформации на постсоветском пространстве:
Do revolutions matter?

М-07/09

Александр Балаян

Роль интеллектуалов в процессе модернизации Франции,
Японии и Польши

М-08/09

Николай Добронравин

«Глобально лишние»: негосударственные народы и сырьевое
государство

